
Обзоры и рецензии

ПОСЛЕДСТВИЯ ШКОЛЬНОЙ ТРАВЛИ ДЛЯ ЕЕ УЧАСТНИКОВ

А.А. БОЧАВЕР^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Статья посвящена краткосрочным и отдаленным последствиям, которые может оказывать опыт участия в школьном буллинге на различные аспекты благополучия вырастающих школьников в дальнейшем. Приводятся данные междисциплинарных лонгитюдных исследований (в первую очередь, British National Child Development Study, The Great Smoky Mountain Study, Finnish 1981 Birth Cohort Study и др.), метаанализов, а также «поперечных срезов», в которых анализируются последствия ситуаций школьного буллинга. Показано, что буллинг в школе вносит вклад в повышение рисков самоповреждающего и суицидального поведения, психосоматических проблем, употребления психоактивных веществ, криминализации и др., причем многое касается не только тех, кто оказывался в роли жертвы буллинга, но и тех, кто играл роль агрессивной жертвы или агрессора в буллинг-ситуациях. Вовлеченность в ситуацию буллинга негативно отражается в перспективе на физическом и психическом здоровье, реализуемой образовательной траектории и вовлеченности в учебу, дружеских и супружеских отношениях, успешности трудоустройства, финансовом благополучии выросших школьников. Спектр негативных последствий буллинга чрезвычайно широк и должен учитываться в проектировании антибуллинговых программ. В то же время налицо недостаток исследований последствий буллинга для детей, которые присутствовали в ситуациях буллинга в роли свидетелей: некоторые данные указывают на то, что такой опыт тоже может иметь негативные последствия для социализации, однако эти представления нуждаются в дальнейшем изучении. Наконец, рассматриваются основные направления и выигрыши от внедрения системы профилактики и прекращения буллинга в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: буллинг, последствия буллинга, виктимизация, агрессор, свидетель, жертва.

Введение

Буллинг долгое время оставался за пределами внимания психологов, однако в конце XX в. стало появляться все больше публикаций, посвященных признакам травли, ее формам, присущей ей структуре отношений, предпосылкам

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00941 «Школьный буллинг: предикторы и последствия».

и т.п. В 1993 г. норвежский исследователь Д. Олвеус ввел до сих пор актуальное определение буллинга, в котором подчеркиваются три его основные характеристики — целенаправленность агрессивного поведения, систематичность и невозможность жертвы защитить себя в силу неравенства силы или власти (Olweus, 1993a). После того как явление травли было названо и описано специалистами в области образования и психологии, стали создаваться программы, направленные на предупреждение травли, и различные технологии для прекращения уже существующих ситуаций буллинга. Эта работа встречала и до сих пор встречает сопротивление педагогов, привыкших к сложившимся практикам работы и транслирующих различные установки, которые поддерживали отношение к травле как к обыденному элементу взросления. В многочисленных публикациях критикуются мифы и стереотипы о буллинге, прикрывающие идеи нормализации травли либо делегирования ответственности за нее тому, кто оказался в роли жертвы (виктимблейминг), например: «Травля — это нормальная составляющая взросления»; «Некоторых детей будут травить в любом классе»; «Травля учит защищать себя»; «Травля происходит потому, что ребенок чем-то отличается» и др. (Кутузова, 2007). Благодаря интенсивным обсуждениям, материалам в СМИ, работе с педагогическим и родительским сообществом подобные идеи перестают доминировать в психолого-педагогическом контексте. Педагоги, даже не демонстрирующие высокой заинтересованности в прекращении и предупреждении буллинга, показывают высокий уровень осведомленности о том, какие проявления может принимать травля и к каким последствиям может приводить для ее участников (Бочавер и др., 2015).

Как пишет профессор психологии развития в Королевском колледже Лондона Луиза Арсено, опираясь на многочисленные исследования, даже несмотря на программы профилактики буллинга значительная часть молодых людей не избежит столкновения с травлей (Arseneault, 2017), поэтому важно сосредоточить усилия на помощи детям, уже пострадавшим от буллинга, и на предотвращении отсроченных психологических и социально-экономических последствий буллинга в дальнейшей жизни детей, имеющих опыт жертв и агрессоров.

Последствия буллинга — наиболее значительный аргумент в обосновании необходимости сокращения ситуаций травли, разработки профилактических программ и в целом трансформации позиции общества в направлении снижения толерантности к различным проявлениям травли. Однако, несмотря на то что негативные последствия, очевидно, подразумеваются в обсуждениях недопустимости школьной травли, в настоящий момент эта тема недостаточно обозначена в русскоязычном пространстве и в целом ей посвящено относительно небольшое число публикаций (Ядова, 2016; Король, 2017). Научная проблема, на решение которой направлена данная статья, — дефицит в русскоязычной научной литературе систематизированных эмпирически подтвержденных представлений о последствиях школьной травли, включая психологические, социальные, экономические и медицинские аспекты, который во многом препятствует активной разработке и внедрению программ по профилактике и прекращению травли в образовательных организациях. Для анализа были

отобраны статьи, опубликованные в последние 20 лет в международных журналах по детской и подростковой психологии и психиатрии, а также педиатрии (поиск осуществлялся через базы «Taylor & Francis», «ScienceDirect», «SpringerLink», «APA Publications and Databases»), в базах медицинских архивов («JAMA Network», «BMJ Journals»), а также в русскоязычной электронной научной библиотеке «eLibrary.ru»; принципы отбора источников для обзора можно назвать эклектичными — учитывались, в частности, мнения экспертов относительно авторитетности источников и авторов, а также оценивалась новизна содержания публикаций для отечественного читателя. Можно сказать, что отбор статей для обзора осуществлялся по принципу дополнительности.

В основе обсуждения роли школы (и, в частности, ситуаций буллинга) для благополучия детей непосредственно во время учебы и в контексте долговременных последствий лежит (пред)положение о том, что школа для учащихся выступает моделью мира. Дети погружены в этот мир на протяжении многих лет и, покидая школу, ожидают на выходе столкнуться с процессами и отношениями, аналогичными тем, что были в школе (Crosnoe, 2011). Соответственно, те навыки и ценности, а также те ограничения и дефициты, которые были присвоены или сформированы в школе, играют большую роль в дальнейшей социализации выпускников. Когда обсуждаются последствия буллинга, как правило, речь идет о трех группах участников: *жертвы* (дети, оказавшиеся адресатами систематической агрессии, преследования или игнорирования со стороны сверстников); *агрессоры* (дети, практикующие прямые или косвенные формы травли по отношению к другим детям, — они же булли, буллеры, преследователи); *агрессоры/жертвы* (3% детей, которые совмещают обе роли, агрессивно провоцируя других детей на причинение себе вреда, либо в одних отношениях в классе демонстрируют паттерны поведения агрессора, а в других оказываются жертвой, они же *провоцирующие жертвы* и *агрессивные жертвы*) (Olweus et al., 2007). Гораздо реже говорят о последствиях для *свидетелей* травли — в основном их квалифицируют как детей, не вовлеченных в буллинг, и они участвуют в исследованиях в качестве контрольной выборки наравне с теми, в чьих классах буллинга в целом не было, о них почти нет данных в обсуждаемых ниже исследованиях. Р. Ковальски, С. Лимбер и П. Агатстон, ссылаясь на ряд источников, пишут о том, что участие в буллинге приучает детей к определенным паттернам поведения и формирует некоторые ожидания: для агрессоров это опора на насилие в отношениях и ощущение собственной безнаказанности; для жертв — переживание собственной беспомощности и восприятие мира как источника опасности; для свидетелей — противоречивые чувства (страх, стыд, сочувствие, гнев) и постепенное снижение эмпатии (Kowalski et al., 2012; Hawkins et al., 2001).

Наиболее весомые сведения об отсроченных последствиях получают лонгитюдные исследования, они позволяют увидеть неочевидные связи и поставить новые вопросы (например: British National Child Development Study¹; The Great Smoky Mountain Study²; Finnish 1981 Birth Cohort Study), а также

¹ <https://cls.ucl.ac.uk/cls-studies/1958-national-child-development-study/>

² <https://devepi.duhs.duke.edu/studies/great-smoky-mountains-study/>

последовательность событий, что необходимо в случае обсуждения причинно-следственных связей. Также объемное представление помогают составить метаанализы эмпирических статей (например: Wolke, Lereya, 2015; Tfofi et al., 2011). Генетические и средовые факторы (например, трудности ребенка в адаптации, социально-экономическое неблагополучие, низкий уровень материнского тепла и ненадлежащее обращение с ребенком), безусловно, играют роль в ситуации хронической виктимизации (Bowes et al., 2013), но здесь мы не будем останавливаться на предпосылках буллинга и сфокусируемся на данных о его последствиях, выделяя исследования, в которых контролируются факторы риска (психиатрические заболевания, семейное неблагополучие и др.).

Психическое здоровье

Финское лонгитюдное исследование с участием 5000 детей, рожденных в 1981 г., показало, что опыт пребывания в роли жертвы травли связан с последующими суицидальными попытками и завершёнными суицидами (Brunstein Klomek et al., 2009; Brunstein Klomek et al., 2010). По данным исследования, у более 2500 мальчиков 1981 г. рождения часто выбираемая роль агрессора является предиктором антисоциального расстройства личности, злоупотребления психоактивными веществами, а также тревожного и депрессивного расстройств в дальнейшем; частое положение жертвы — предиктор тревожного расстройства и злоупотребления табаком; позиция агрессивной жертвы — предиктор антисоциального расстройства личности и тревожного расстройства. Среди тех, кто в 8-летнем возрасте систематически оказывался в роли жертвы или агрессора в ситуациях буллинга, примерно 28% имели психические расстройства 10–15 лет спустя (Sourander et al., 2007b); бывшие жертвы травли с большей вероятностью сталкиваются позже со стационарным психиатрическим лечением и приемом антипсихотических и седативных препаратов и антидепрессантов (Sourander et al., 2009).

В американском лонгитюдном исследовании The Great Smoky Mountain Research, стартовавшем в 1992 г., было показано, что участие в школьной травле имеет различные долговременные последствия. На материале диагностических интервью с 1420 взрослыми было показано, что при контроле факторов детских психиатрических заболеваний и трудностей в семье жертвы буллинга имеют риск возникновения агорафобии, генерализованного тревожного расстройства и панического расстройства (однако не обнаружена связь с депрессией). Агрессивные жертвы более подвержены рискам депрессии, панического расстройства, агорафобии и суицида. Агрессоры демонстрируют повышенный риск антисоциального расстройства личности (Copeland et al., 2013).

По данным трех когорт 50-летнего британского лонгитюда³ (выборка более 18 тысяч человек), сообщается, что бывшие жертвы школьного буллинга

³ British National Child Development Study <https://cls.ucl.ac.uk/cls-studies/1958-national-child-development-study/>

имеют высокий уровень дистресса при замерах в 23 года и в 50 лет. К середине жизни у этих людей по сравнению с контрольной группой выше риск депрессивного и тревожного расстройств и суцидов. Такие эффекты аналогичны последствиям других тяжелых событий, пережитых в детстве, — помещения в среду, замещающую семью, или множественного жестокого обращения в семье. Эти исследования имеют констатирующий характер и не позволяют обсуждать причинно-следственные связи, однако исследования на трех когортах согласуются (Takizawa et al., 2014): пребывание в роли жертвы травли в детстве способствует возникновению либо новых, либо дополнительных проблем психического здоровья в более поздние годы.

Исследование динамики вовлеченности в ситуации буллинга в подростковом возрасте показывает, что агрессоры и агрессивные жертвы тяготеют к высокому уровню делинквентного поведения и самоповреждения (Barker et al., 2008).

В рамках лонгитюдного близнецового исследования изучалось, повышают ли разные типы подростковой виктимизации (буллинг, насилие в семье и др.) риск психических нарушений. Систематическое исключение некаузальных объяснений связей позволило показать, что за виктимизацией следует усиление проблем психического здоровья по сравнению с детским фоном эмоциональных/поведенческих проблем (Schaefer et al., 2018).

Исследования подтверждают, что опыт в роли жертв буллинга в школьном возрасте оказывает негативное влияние на благополучие человека в дальнейшем и вносит вклад в психические нарушения (Arseneault et al., 2010) — усиливает тревогу и депрессию в подростковом возрасте, повышает вероятность самоповреждений (Fisher et al., 2012; Lereya et al., 2013), суицидальных мыслей и попыток (Herba et al., 2008) и психотической симптоматики (Schreier et al., 2009; Arseneault et al., 2011). Виктимизация со стороны сверстников, особенно хроническая или жестокая, связана с психотическими симптомами в раннем подростковом возрасте, что подтверждает значимость психосоциальных факторов в этиологии психотических симптомов в здоровой выборке и может усиливать риск манифестации психотических расстройств во взрослом возрасте (Schreier et al., 2009). Лонгитюдное близнецовое проспективное исследование показало, что дети, пережившие травму или виктимизацию со стороны сверстников, с большей вероятностью в возрасте 12 лет сообщили о психотической симптоматике (Arseneault et al., 2008).

К последствиям травли у жертв относят нарушение социальной адаптации, высокий уровень тревоги, депрессии и суицидального мышления, низкую самооценку, чувство одиночества и изоляции. Трудности с концентрацией внимания и отказ от посещения школы влекут за собой снижение академической успеваемости. Виктимизация ребенка в школьные годы часто сопровождается повышенной застенчивостью и пониженным доверием к людям во взрослом возрасте, что влечет за собой нарушение процесса социально-психологической адаптации (Craig, 1998). Дети, оказавшиеся жертвами травли, испытывают сложности со здоровьем и успеваемостью, в три раза чаще по сравнению со сверстниками имеют симптомы тревожно-депрессивных расстройств, апатию,

головные боли и энурез и совершают попытки суицида, причем косвенная травля оказывает более серьезное влияние, чем прямая; для детей, занимающихся травлей, выше риск делинквентного поведения (Van der Wal et al., 2003; Smokowski, Kopasz, 2005).

Среди более 2 тысяч обследованных подростков 10–15 лет около 12% сообщили о том, что периодически становятся жертвами буллинга в школе; однако около половины детей, имеющих братьев или сестер, сообщили об обоюдном буллинге в отношениях с сиблингами. Дети, в жизненном опыте которых сочетаются виктимизация со стороны сверстников в школе и буллинг в отношениях с братьями или сестрами, имеют повышенный риск поведенческих нарушений и менее счастливы (Wolke, Skew, 2012). Двухмесячное проспективное исследование показало, что виктимизация среди сверстников является предиктором и одновременно следствием социальной тревоги (Siegel et al., 2009). Подверженность традиционному буллингу связана с суицидальными мыслями, а у девочек буллинг и кибербуллинг связаны с повышением рисков психических нарушений (Bannink et al., 2014; Olweus, Breivik, 2014). Провоцирующие жертвы показывают самый высокий уровень суицидов и аутоагрессивного поведения (Kim et al., 2005).

Анализ двух массивов лонгитюдных данных показал, что у детей, ставших жертвами травли, и у детей, подвергавшихся ненадлежащему обращению, выше риски психических нарушений, тревоги, депрессии и самоповреждения по сравнению с детьми, не подвергавшимися таким воздействиям; дети, подвергавшиеся только буллингу, имеют риск психических нарушений выше, чем дети, подвергавшиеся только ненадлежащему обращению (Lereya et al., 2015).

Российское лонгитюдное исследование показало связь тревожности и участия в ситуациях буллинга в роли жертв, для них же характерен высокий уровень враждебности (Тарасова и др., 2016).

Не полностью согласуются результаты исследований употребления психоактивных веществ, однако, судя по всему, участие в буллинге повышает вероятность зависимого поведения. Злоупотребление психоактивными веществами связано с вовлеченностью в буллинг в роли агрессоров и агрессивных жертв (Carlyle, Steinman, 2007). Среди мужчин, проходивших медицинское обследование при поступлении на обязательную военную службу в армию Финляндии, было выявлено, что у тех, кто в роли жертвы, агрессивной жертвы или агрессора участвовал в травле в возрасте 8 лет, к 23 годам возрастает риск злоупотребления психоактивными веществами (Sourander et al., 2007b). Частый опыт жертвы буллинга в возрасте 8 лет является предиктором активного курения, однако у этих же детей ниже риск употребления наркотиков; травля по отношению к другим является предиктором противозаконного употребления наркотиков (Niemelä et al., 2011). У жертв, агрессоров и агрессивных жертв по сравнению с не принимавшими участия в буллинге детьми выше риск регулярного курения (Wolke et al., 2013); жертвы и агрессоры чаще замечены в противозаконном приеме наркотиков (Sigurdson et al., 2014).

Физическое здоровье

У детей, оказавшихся жертвами травли, особенно агрессивными жертвами, выше риск психосоматических нарушений — головных болей, болей в животе и в спине, проблем со сном, головокружений, утомляемости, «утренней усталости»; также они сильнее страдают от ночных кошмаров и резких пробуждений, им более присуще переживание грусти и печали (Gini, Pozzoli, 2009; Wolke, Lereya, 2014; Wolke et al., 2001; Ghandour et al., 2004; Løhre et al., 2011). Также у них выше риски нарушений здоровья, выше уровень боли (Sigurdson et al., 2014), выше риск различных воспалений и ожирения к 45 годам (Takizawa et al., 2015). У агрессивных жертв повышен риск серьезных заболеваний, инфекционных заболеваний, замедлен процесс выздоровления, субъективно хуже здоровье (Wolke et al., 2013).

Три замера — в 5-м, 7-м и 10-м классе — с участием более 4 тысяч детей показали, что подверженность буллингу связана с ухудшением физического и психического здоровья, ростом депрессивной симптоматики и снижением самооценки, причем последствия для здоровья были самыми серьезными у детей, сообщавших о буллинге и в прошлом, и в настоящем (Bogart et al., 2014).

Образование

Метаанализ 33 исследований показывает слабую, но значимую отрицательную связь между виктимизацией и академической успешностью у обучающихся обоих полов (Nakamoto, Schwartz, 2010). Описаны реципрокные связи между буллингом, виктимизацией и проблемами школьной адаптации в группах учеников средней школы (Stavriniades et al., 2011). Подростки, подвергшиеся буллингу, реже достигают соответствующего своей возрастной группе уровня академической успеваемости (Rothon et al., 2011). Показана связь между виктимизацией в среде сверстников и академическими успехами в начальной школе (Schwartz et al., 2005). Однако у некоторых детей, страдающих от буллинга и от негативных отношений с преподавателями, успеваемость снижается, в то время как у других детей, поддерживающих с кем-то из учителей теплые и доверительные отношения, не снижается; возможно, медиатором этой связи является психическое здоровье (Vaillancourt, McDougall, 2013). Дети, занимающиеся буллингом, имеют более низкую академическую успеваемость и хуже оценивают школьный климат, чем их одноклассники (Nansel et al., 2001).

Те, кто оказался в позиции агрессивных жертв, чаще не имеют диплома о высшем образовании; агрессоры и агрессивные жертвы чаще не оканчивают колледж (Wolke et al., 2013). К 50 годам и бывшие жертвы систематического буллинга, и агрессивные жертвы, и агрессоры в среднем имеют более низкий уровень образования по сравнению с другими участниками исследования (Takizawa et al., 2014; Sigurdson et al., 2014).

Среди причин, которыми родители объясняют отсутствие их детей в школе, буллинг — на пятом месте, о нем говорят 18% родителей (Brown et al., 2011).

Трудоустройство и финансовое положение

Норвежское исследование около двух с половиной тысяч подростков в возрасте 14–15 и затем 26–27 лет показало, что дети, вовлеченные в буллинг в роли жертв, агрессоров или агрессивных жертв, с большей вероятностью позже получают более низкий уровень образования по сравнению с теми, кто не был активно вовлечен в буллинг. Группа агрессоров также демонстрирует повышенный риск оказаться безработными и получать разного рода социальную помощь; агрессоры и агрессивные жертвы менее заняты на работе, чем остальные участники исследования (Sigurdson et al., 2014).

Для бывших жертв, агрессивных жертв и агрессоров характерны проблемы с сохранением стабильной работы, их чаще увольняют, и они чаще сами бросают работу, они испытывают сложности с выполнением финансовых обязательств, у них выше риск бедности; частый опыт жертвы связан с трудностями в управлении финансами, отсутствием трудовой занятости и меньшим заработком в сравнении с ровесниками; агрессоры чаще сталкиваются с безработицей. Бывшие жертвы буллинга в среднем меньше зарабатывают и чаще становятся безработными в сравнении с ровесниками, чаще не имеют работы к 50 годам и менее состоятельны — имеют меньше сбережений, реже владеют домом (Takizawa et al., 2014; Wolke et al., 2013; Brown, Taylor, 2008; Brimblecombe et al., 2018).

Отношения и семья

Причастность к ситуациям буллинга затрудняет личные отношения в дальнейшем. Систематический опыт жертвы травли в школе повышает риск жизни без супруга в возрасте 50 лет, сложностей в создании и поддержании дружеских отношений; те, кто был жертвой школьной травли, реже встречаются с друзьями, получают меньше социальной поддержки, ниже оценивают качество своей жизни на момент опроса и в целом меньше удовлетворены своей жизнью. Бывшие агрессивные жертвы с большой вероятностью не имеют лучшего друга, им трудно заводить друзей и поддерживать дружбу (но не обнаружено соответствий с проживанием с супругом). Бывшие агрессоры также имеют сложности в сохранении друзей, и они значимо чаще используют насилие в близких отношениях в дальнейшем. У выросших бывших жертв и агрессивных жертв чаще дефицитные отношения с родителями (Takizawa et al., 2014; Wolke et al., 2013). Отношения с сожителями/супругами значимо хуже у тех, кто имел опыт травли в школе, по сравнению с другими участниками исследования (Sigurdson et al., 2014).

Среди мальчиков, занимающихся буллингом, повышается вероятность рано (до 22 лет) стать отцом; риск стать матерью-подростком выше у девочек-агрессоров, а также у девочек — агрессивных жертв (Lehti et al., 2011; Lehti et

al., 2012). С другой стороны, как показывает небольшое исследование, в котором проводились интервью с 15 мужчинами, которые, будучи мальчиками, оказались жертвами травли, а в долгосрочной перспективе испытывают стыд, тревогу и проблемы в отношениях, которые связывают со своим опытом травли, они часто остаются одинокими, не женятся и не имеют детей (Carlisle, Rofes, 2007).

Опрос более 5 тысяч взрослых жителей Великобритании об их отношениях на рабочем месте и об опыте отношений в школе показал, что наибольшему риску виктимизации на рабочем месте подвержены те, кто в школе занимал позицию агрессивных жертв, за ними следуют жертвы буллинга (Smith et al., 2003).

Правонарушения

Метаанализ 28 исследований, посвященных связи школьного буллинга с правонарушениями на протяжении последующих 11 лет (рассматривались воровство, магазинные кражи, вандализм и повреждение имущества, насильственные преступления и др.), показал, что осуществление травли является фактором риска для дальнейших правонарушений, т.е. дети, агрессивно преследующие других детей, со значимо большей вероятностью нарушают закон во взрослом возрасте (Ttofi et al., 2011).

По данным лонгитюда, агрессоры и агрессивные жертвы чаще сталкиваются с официальными обвинениями в особо тяжких преступлениях, а также во взломе с целью ограбления. Также у бывших агрессоров чаще фиксируются частое опьянение, употребление марихуаны и других нелегальных наркотиков, случайный секс с незнакомцем (Wolke et al., 2013).

Лонгитюдное исследование в американских школах показало, что практикуемый детьми прямой буллинг (систематическое битье, толкание, отбирание вещей у других детей и т.п.) в 6-м классе является предиктором физического насилия на свиданиях, совершаемого ими же, когда они учатся в 8-м классе (Foshee et al., 2014). Выросшие преследователи чаще применяют насилие в отношении супругов (Roberts, Morotti, 2000). Буллинг в школе (в особенности физическое насилие), осуществляемый в 15 лет, является предиктором насилия, противоправного поведения, вандализма, воровства, употребления наркотиков, драк, хранения оружия, делинквентного, асоциального и другого нежелательного поведения во взрослом возрасте (Bender, Lösel, 2011; Renda et al., 2011; Smokowski, Kopasz, 2005; Byrne, 1994; Haynie et al., 2001; Olweus, 1993b).

Вероятность ношения оружия значимо выше среди жертв, агрессивных жертв и агрессоров, причем жертвы чаще приносят оружие в помещение школы, что подтверждает предположение об их переживании собственной уязвимости и потребности в самозащите, а агрессоры одинаково часто носят с собой оружие как внутри, так и за пределами школы (Valdebenito et al., 2017). Более 80% лиц, совершивших массовые убийства в школах, испытывали давление, издевательства, групповую травлю и даже имели ранения, полученные

от сверстников (Давыдов, Хломов, 2018); Дж. Клейн, автор книги о школьных расстрелах, считает буллинг основным предиктором школьных расстрелов (Klein, 2012).

Дети, которые регулярно занимаются буллингом либо ведут себя как агрессивные жертвы (8.8% выборки), ответственны за 33% всех преступлений, совершенных несовершеннолетними за 4 года исследования (роль агрессора является предиктором единичных и повторных правонарушений, роль агрессивной жертвы — предиктором повторных правонарушений); однако дети, которые систематически являются агрессорами или жертвами при отсутствии сильно выраженных психиатрических симптомов, не демонстрируют повышенного риска криминальных эпизодов в дальнейшем (Sourander et al., 2007a).

Заключение

Итак, негативные последствия буллинга выражаются во множественном и долговременном ущербе здоровью, благополучию и социализации как жертв и агрессивных жертв, так и агрессоров. Кроме того, исследования показывают высокие социальные издержки, затрачиваемые на трудоустройство, медицинское обслуживание и другие виды сопровождения, направленные на совладание с проблемами, во многом вызванными школьным буллингом (Brimblecombe et al., 2018; Evans-Lacko et al., 2017). Можно предполагать — хотя исследований на эту тему практически нет, — что долговременный опыт свидетеля непрекращаемой травли также имеет негативные последствия.

Таким образом, работа по прекращению и предотвращению буллинга имеет огромное значение: в длительной перспективе она снижает риски психиатрической и соматической симптоматики, саморазрушающего поведения, включая суициды и зависимости, социальные и экономические трудности, а также правонарушения.

Сокращение проблемы школьного буллинга необходимо вести на разных уровнях: институциональном (профилактические программы в школах), на уровне общественного мнения и СМИ (повышение внимания и чувствительности к теме травли и трансляция ценностей альтернативного уважительного и партнерского способа коммуникации), просветительском (преодоление стереотипов и виктимблейминга, обучение навыкам конструктивного общения в школе, в семье, в других средах), коррекционном (прекращение текущих ситуаций буллинга, перестройка системы отношений в учебном процессе), психотерапевтическом (поддержка, повышение устойчивости и осознанности, развитие навыков, выход из ситуаций буллинга и преодоление их последствий).

Литература

- Бочавер, А. А., Жилинская, А. В., Хломов, К. Д. (2015). Школьная травля и позиция учителей. *Социальная психология и общество*, 6(1), 103–116.

- Давыдов, Д. Г., Хломов, К. Д. (2018). Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика. *Национальный психологический журнал*, 4(32), 62–76.
- Король, Н. В. (2017). Последствия школьной травли в представлении студентов. *Universum: Психология и образование: электронный научный журнал*, 12(42). <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/5337>
- Кутузова, Д. А. (2007, 3 декабря). Травля в школе. Мифы и реальность. E1.ru. https://www.e1.ru/articles/kid/page_13/003/439/article_3439.html
- Тарасова, С. Ю., Осницкий, А. К., Ениколопов, С. Н. (2016). Социально-психологические аспекты буллинга: взаимосвязь агрессивности и школьной тревожности. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 8(4), 102–116. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080411>
- Ядова, М. А. (2016). Буллинг в подростковой среде: причины и последствия. (Сводный реферат). *Социологический ежегодник, 2015-2016*, 308–316.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Бочавер Александра Алексеевна — научный сотрудник, доцент, Центр исследований современного детства, Институт образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология подросткового возраста, психология образования, психология личности, жизненный путь личности, жизненная траектория, агрессия и кибер-агрессия, благополучие, Интернет.

Контакты: abochaver@hse.ru

Consequences of School Bullying for Its Participants

A.A. Bochaver^a

^aHSE University, 20 Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the short-term and long-term consequences that the experience of participating in school bullying can have on various aspects of well-being of the growing school-children in the future. The data of interdisciplinary longitudinal studies (first of all, The British National Child Development Study, The Great Smoky Mountain Study, Finnish 1981 Birth Cohort Study, etc.), meta-analyses, as well as "cross-sectional studies", which analyze the consequences of school bullying situations, are presented. It is shown that bullying at school contributes to an increase in the risks of self-harming and suicidal behavior, psychosomatic problems, substance use, criminalization, etc., and much concerns not only those who found themselves in the role of bullying victims, but also those who played the role of an aggressive victim or aggressor in bullying situations. Involvement in the bullying situation negatively affects the future physical and mental health, the educational trajectory and involvement in learning, friendly and marital relations, successful employment, and the financial well-being of grown-up students. The range of negative consequences of bullying is extremely wide and should be taken into account in the design of anti-bullying programs. At the same time, there is a lack of research on the consequences of bullying for children who were present in bullying situations as witnesses: some data indicate that such experiences can also have negative consequences for socialization, but these ideas need further study. Finally, the main directions and benefits from the introduction of the system of prevention and termination of bullying in educational institutions are considered.

Keywords: bullying, consequences of bullying, victimization, aggressor, bystander, victim.

References

- Arseneault, L. (2017). The long-term impact of bullying victimization on mental health. *World Psychiatry*, 16(1), 27–28. <https://doi.org/10.1002/wps.20399>
- Arseneault, L., Bowes, L., & Shakoor, S. (2010). Bullying victimization in youths and mental health problems: "Much ado about nothing"? *Psychological Medicine*, 40(5), 717–729. <https://doi.org/10.1017/S0033291709991383>
- Arseneault, L., Cannon, M., Fisher, H. L., Polanczyk, G., Moffitt, T. E., & Caspi, A. (2011). Childhood trauma and children's emerging psychotic symptoms: a genetically sensitive longitudinal cohort study. *The American Journal of Psychiatry*, 168(1), 65–72. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2010.10040567>
- Arseneault, L., Milne, B. J., Taylor, A., Adams, F., Delgado, K., Caspi, A., Moffitt, T. E. (2008). Being bullied as an environmentally mediated contributing factor to children's internalizing problems: a

- study of twins discordant for victimization. *Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine*, 162(2), 145–150. <https://doi.org/10.1001/archpediatrics.2007.53>
- Bannink, R., Broeren, S., van de Looij-Jansen, P. M., de Waart, F. G., & Raat, H. (2014). Cyber and traditional bullying victimization as a risk factor for mental health problems and suicidal ideation in adolescents. *PLoS ONE*, 9, Article e94026. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0094026>
- Barker, E. D., Arseneault, L., Brendgen, M., Fontaine, N., & Maughan, B. (2008). Joint development of bullying and victimization in adolescence: relations to delinquency and self-harm. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 47(9), 1030–1038. <https://doi.org/10.1097/CHI.0b013e31817eec98>
- Bender, D., & Lösel, F. (2011). Bullying at school as a predictor of delinquency, violence and other anti-social behaviour in adulthood. *Criminal Behavior and Mental Health*, 21(2), 99–106. <https://doi.org/10.1002/cbm.799>
- Bochaver, A. A., Zhilinskaya, A. V., & Khlomov, K. D. (2015). School bullying and teachers' attitudes. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 6(1), 103–116. (in Russian)
- Bogart, L. M., Elliott, M. N., Klein, D. J., Tortolero, S. R., Mrug, S., Peskin, M. F., Davies, S. L., Schink, E. T., & Schuster, M. A. (2014). Peer victimization in fifth grade and health in tenth grade. *Pediatrics*, 133(3), 440–447. <https://doi.org/10.1542/peds.2013-3510>
- Bowes, L., Maughan, B., Ball, H., Shakoor, S., Ouellet-Morin, I., Caspi, A., Moffitt, T.E., & Arseneault, L. (2013). Chronic bullying victimization across school transitions: The role of genetic and environmental influences. *Development and Psychopathology*, 25(2), 333–346. <https://doi.org/10.1017/S0954579412001095>
- Brimblecombe, N., Evans-Lacko, S., Knapp, M., King, D., Takizawa, R., Maughan, B., & Arseneault, L. (2018). Long term economic impact associated with childhood bullying victimization. *Social Science & Medicine*, 208, 134–141. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.05.014>
- Brown, S., & Taylor, K. (2008). Bullying, education and earnings: evidence from the National Child Development Study. *Economics of Education Review*, 27(4), 387–401.
- Brown, V., Clery, E., & Ferguson, C. (2011). Estimating the prevalence of young people absent from school due to bullying. National Centre for Social Research. <https://www.anti-bullyingalliance.org.uk/sites/default/files/field/attachment/estimating-prevalence-young-people.pdf>
- Brunstein Klomek, A. B., Sourander, A., Niemelä, S., Kumpulainen, K., Piha, J., Tamminen, T., Almqvist, F., & Gould, M. S. (2009). Childhood bullying behaviors as a risk for suicide attempts and completed suicides: A population-based birth cohort study. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 48(3), 254–261. <https://doi.org/10.1097/CHI.0b013e318196b91f>
- Brunstein Klomek, A., Sourander, A., & Gould, M. (2010). The association of suicide and bullying in childhood to young adulthood: a review of cross-sectional and longitudinal research findings. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 55(5), 282–288. <https://doi.org/10.1177/070674371005500503>
- Byrne, B. J. (1994). Bullies and victims in school settings with reference to some Dublin schools. *Irish Journal of Psychology*, 15(4), 574–586. <https://doi.org/10.1080/03033910.1994.10558031>
- Carlisle, N., & Rofes, E. (2007). School bullying: do adult survivors perceive long-term effects? *Traumatology*, 13(1), 16–26. <https://doi.org/10.1177/1534765607299911>
- Carlyle, K. E., & Steinman, K. J. (2007). Demographic differences in the prevalence, co-occurrence, and correlates of adolescent bullying at school. *Journal of School Health*, 77(9), 623–629.

- Copeland, W. E., Wolke, D., Angold, A., & Costello, E. J. (2013). Adult psychiatric outcomes of bullying and being bullied by peers in childhood and adolescence. *JAMA Psychiatry*, *70*(4), 419–426. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2013.504>
- Craig, W. M. (1998). The relationship among bullying, victimization, depression, anxiety, and aggression in elementary school children. *Personality and Individual Differences*, *24*(1), 123–130. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(97\)00145-1](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(97)00145-1)
- Crosnoe, R. (2011). Schools, peers, and the big picture of adolescent development. In E. Amsel & J. Smetana (eds.), *Adolescent vulnerabilities and opportunities: Developmental and constructivist perspectives* (pp. 182–204). N.Y.: Cambridge University Press.
- Davydov, D. G., & Khlomov, K. D. (2018). Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention. *Natsional'nyi Psikhologicheskii Zhurnal [National Psychological Journal]*, *4*(32), 62–76. (in Russian)
- Evans-Lacko, S., Takizawa, R., Brimblecombe, N., King, D., Knapp, M., Maughan, B., & Arseneault, L. (2017). Childhood bullying victimization is associated with use of mental health services over five decades: a longitudinal nationally representative cohort study. *Psychological Medicine*, *47*(1), 127–135. <https://doi.org/10.1017/S0033291716001719>
- Fisher, H. L., Moffitt, T. E., Houts, R. M., Belsky, D. W., Arseneault, L., & Caspi, A. (2012). Bullying victimization and risk of self harm in early adolescence: longitudinal cohort study. *The British Medical Journal*, *344*, Article e2683. <https://doi.org/10.1136/bmj.e2683>
- Foshee, V. A., McNaughton Reyes, H. L., Vivolo-Kantor, A. M., Basile, K. C., Chang, L. Y., Faris, R., & Ennett, S. T. (2014). Bullying as a longitudinal predictor of adolescent dating violence. *Journal of Adolescent Health*, *55*(3), 439–444. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2014.03.004>
- Ghandour, R. M., Overpeck, M. D., Huang, Z. H. J., Kogan, M. D., Scheidt, & P. C. (2004). Headache, stomachache, backache, and morning fatigue among adolescent girls in the United States – Associations with behavioral, sociodemographic, and environmental factors. *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*, *158*(8), 797–803. <https://doi.org/10.1001/archpedi.158.8.797>
- Gini, G., & Pozzoli, T. (2009). Association between bullying and psychosomatic problems: a meta-analysis. *Pediatrics*, *123*(3), 1059–1065. <https://doi.org/10.1542/peds.2008-1215>
- Hawkins, D. L., Pepler, D. J., & Craig, W. M. (2001). Naturalistic observation of peer interventions in bullying. *Social Development*, *10*(4), 512–527. <https://doi.org/10.1111/1467-9507.00178>
- Haynie, D. L., Nansel, T., Eitel, P., Crump, A. D., Saylor, K., Yu, K., & Simons-Morton, B. (2001). Bullies, victims and bully/victims: Distinct groups of at-risk youth. *Journal of Early Adolescence*, *21*(1), 29–49. <https://doi.org/10.1177/0272431601021001002>
- Herba, C. M., Ferdinand, R. F., Stijnen, T., Veenstra, R., Oldehinkel, A. J., Ormel, J., & Verhulst, F. C. (2008). Victimization and suicide ideation in the TRAILS study: specific vulnerabilities of victims. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, *49*(8), 867–876. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2008.01900.x>
- Karol, N. V. (2017). The consequences of the school bullying in the representations of students. *Universum: Psikhologiya i Obrazovanie*, *12*(42). <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/5337> (in Russian)
- Kim, Y. S., Koh, Y., & Leventhal, B. (2005). School bullying and suicidal risk in Korean middle school students. *Pediatrics*, *115*(2), 357–363. <https://doi.org/10.1542/peds.2004-0902>
- Klein, J. (2012). *The bully society: school shootings and the crisis of bullying in America's schools*. New York, NY: New York University Press.
- Kowalski, R. M., Limber, S. P., & Agatston, P. W. (2011). *Cyberbullying: Bullying in the digital age*. Wiley-Blackwell.

- Kutuzova, D. A. (2007, 3 December). *Travlya v shkole. Mify i real'nost'*. [Bullying at school. Myths and reality] E1.ru. https://www.e1.ru/articles/kid/page_13/003/439/article_3439.html
- Lehti, V., Klomek, A. B., Tamminen, T., Moilanen, I., Kumpulainen, K., Piha, J., Almqvist, F., & Sourander, A. (2012). Childhood bullying and becoming a young father in a national cohort of Finnish boys. *Scandinavian Journal of Psychology*, 53(6), 461–466. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2012.00971.x>
- Lehti, V., Sourander, A., Klomek, A., Niemelä, S., Sillanmäki, L., Piha, J., Kumpulainen, K., Tamminen, T., Moilanen, I., & Almqvist, F. (2011). Childhood bullying as a predictor for becoming a teenage mother in Finland. *European Child and Adolescent Psychiatry*, 20, 49–55. <https://doi.org/10.1007/s00787-010-0147-z>
- Lereya, S. T., Copeland, W. E., Costello, J., & Wolke, D. (2015). Adult mental health consequences of peer bullying and maltreatment in childhood: two cohorts in two countries. *The Lancet Psychiatry*, 2(6), 524–531. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(15\)00165-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(15)00165-0)
- Lereya, S. T., Winsper, C., Heron, J., Lewis, G., Gunnell, D., Fisher, H. L., & Wolke, D. (2013). Being bullied during childhood and the prospective pathways to self-harm in late adolescence. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 52(6), 608–618. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2013.03.012>
- Løhre, A., Lydersen, S., Paulsen, B., Mæhle, M., & Vatten, L. J. (2011). Peer victimization as reported by children, teachers, and parents in relation to children's health symptoms. *BMC Public Health*, 11, Article 278. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-11-278>
- Nakamoto, J., & Schwartz, D. (2010). Is peer victimization associated with academic achievement? A meta-analytic review. *Social Development*, 19(2), 221–242. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2009.00539.x>
- Nansel, T. R., Overpeck, M., Pilla, R. S., Ruan, W. J., Simons-Morton, B., & Scheidt, P. (2001). Bullying behaviors among US youth: Prevalence and association with psychosocial adjustment. *JAMA*, 285(16), 2094–2100. <https://doi.org/10.1001/jama.285.16.2094>
- Niemelä, S., Brunstein-Klomek, A., Sillanmäki, L., Helenius, H., Piha, J., Kumpulainen, K., Moilanen, I., Tamminen, T., Almqvist, F., & Sourander, A. (2011). Childhood bullying behaviors at age eight and substance use at age 18 among males. A nationwide prospective study. *Addictive Behaviors*, 36(3), 256–60. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2010.10.012>
- Olweus, D. (1993a). *Bullying at school: What we know and what we can do*. Wiley-Blackwell.
- Olweus, D. (1993b). Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes. In K. H. Rubin & J. H. B. Asendort (eds.), *Social withdrawal, inhibition, and shyness* (pp. 315–341). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Olweus, D., & Breivik, K. (2014). Plight of victims of school bullying: The opposite of well-being. In A. Ben-Arieh, F. Casas, I. Frñes, & J. Korbin (eds.), *Handbook of child well-being* (pp. 2593–2616). Dordrecht, The Netherlands: Springer.
- Olweus, D., Limber, S. P., Flerx, V. C., Mullin, N., Riese, J., & Snyder, M. (2007). *Olweus bullying prevention program: Schoolwide guide*. Center City, MN: Hazelden.
- Renda, J., Vassallo, S., & Edwards, B. (2011). Bullying in early adolescence and its association with anti-social behaviour, criminality and violence 6 and 10 years later. *Criminal Behavior and Mental Health*, 21(2), 117–127. <https://doi.org/10.1002/cbm.805>
- Roberts, W. B., & Morotti, A. A. (2000). The bully as victim: Understanding bully behaviors to increase the effectiveness of interventions in the bully–victim dyad. *Professional School Counseling*, 4(2), 148–155.

- Rothon, C., Head, J., Klineberg, E., & Stansfeld, S. (2011). Can social support protect bullied adolescents from adverse outcomes? A prospective study on the effects of bullying on the educational achievement and mental health of adolescents at secondary schools in East London. *Journal of Adolescence, 34*(3), 579–588. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2010.02.007>
- Schaefer, J. D., Moffitt, T. E., Arseneault, L., Danese, A., Fisher, H. L., Houts, R., Sheridan, M. A., Wertz, J., & Caspi, A. (2018). Adolescent victimization and early-adult psychopathology: approaching causal inference using a longitudinal twin study to rule out noncausal explanations. *Clinical Psychological Science, 6*(3) 352–371. <https://doi.org/10.1177/2167702617741381>
- Schreier, A., Wolke, D., Thomas, K., Horwood, J., Hollis, C., Gunnell, D., Lewis, G., Thompson, A., Zammit, S., Duffy, L., Salvi, G., & Harrison, G. (2009). Prospective study of peer victimization in childhood and psychotic symptoms in a nonclinical population at age 12 years. *Archives of General Psychiatry, 66*, 527–536. <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2009.23>
- Schwartz, D., Gorman, A. H., Nakamoto, J., & Toblin, R. L. (2005). Victimization in the peer group and children's academic functioning. *Journal of Educational Psychology, 97*(3), 425–435. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.97.3.425>
- Siegel, R., La Greca, A., & Harrison, H. (2009). Peer victimization and social anxiety in adolescents: prospective and reciprocal relationships. *Journal of Youth and Adolescence, 38*, 1096–1109. <https://doi.org/10.1007/s10964-009-9392-1>
- Sigurdson, J. F., Wallander, J., & Sund, A. M. (2014). Is involvement in school bullying associated with general health and psychosocial adjustment outcomes in adulthood? *Child Abuse & Neglect, 38*(10), 1607–1617. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2014.06.001>
- Smith, P. K., Singer, M., Hoel, H., & Cooper, C. (2003). Victimization in the school and the workplace: Are there any links? *British Journal of Psychology, 94*(2), 175–188. <https://doi.org/10.1348/000712603321661868>
- Smokowski, P. R., & Kopasz, K. H. (2005). Bullying in school: an overview of types, effects, family characteristics, and intervention strategies. *Children & Schools, 27*(2), 101–110. <https://doi.org/10.1093/cs/27.2.101>
- Sourander, A., Jensen, P., Rönning, J. A., Elonheimo, H., Niemelä, S., Helenius, H., Kumpulainen, K., Piha, J., Tamminen, T., Moilanen, I., & Almqvist, F. (2007a). Childhood bullies and victims and their risk of criminality in late adolescence: the Finnish From a Boy to a Man Study. *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine, 161*(6), 546–552. <https://doi.org/10.1001/archpedi.161.6.546>
- Sourander, A., Jensen, P., Rönning, J. A., Niemelä, S., Helenius, H., Sillanmäki, L., Kumpulainen, K., Piha, J., Tamminen, T., Moilanen, I., & Almqvist, F. (2007b). What is the early adulthood outcome of boys who bully or are bullied in childhood? The Finnish “From a Boy to a Man” study. *Pediatrics, 120*(2), 397–404. <https://doi.org/10.1542/peds.2006-2704>
- Sourander, A., Ronning, J., Brunstein-Klomek, A., Gyllenberg, D., Kumpulainen, K., Niemelä, S., Helenius, H., Sillanmäki, L., Ristkari, T., Tamminen, T., Moilanen, I., Piha, J., & Almqvist, F. (2009). Childhood bullying behavior and later psychiatric hospital and psychopharmacologic treatment: findings from the Finnish 1981 birth cohort study. *Archives of General Psychiatry, 66*(9), 1005–1012. <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2009.122>
- Stavrinos, P., Georgiou, S., Nikiforou, M., & Kiteri, E. (2011). Longitudinal investigation of the relationship between bullying and psychosocial adjustment. *European Journal of Developmental Psychology, 8*(6), 730–743. <https://doi.org/10.1080/17405629.2011.628545>

- Takizawa, R., Danese, A., Maughan, B., & Arseneault, L. (2015). Bullying victimization in childhood predicts inflammation and obesity at mid-life: A five-decade birth cohort study. *Psychological Medicine*, *45*(13), 2705–2715. <https://doi.org/10.1017/S0033291715000653>
- Takizawa, R., Maughan, B., & Arseneault, L. (2014). Adult health outcomes of childhood bullying victimization: evidence from a five-decade longitudinal British birth cohort. *American Journal of Psychiatry*, *171*(7), 777–784. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2014.13101401>
- Tarasova, S. Yu., Osnitsky, A. K., & Enikolopov, S. N. (2016). Social-psychological aspects of bullying: Interconnection of aggressiveness and school anxiety. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, *8*(4), 102–116. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080411> (in Russian)
- Ttofi, M. M., Farrington, D. P., Lösel, F., & Loeber, R. (2011). The predictive efficiency of school bullying versus later offending: A systematic/meta-analytic review of longitudinal studies. *Criminal Behavior and Mental Health*, *21*(2), 80–89. <https://doi.org/10.1002/cbm.808>
- Vaillancourt, T., & McDougall, P. (2013). The link between childhood exposure to violence and academic achievement: complex pathways. *Journal of Abnormal Child Psychology*, *41*, 1177–1178. <https://doi.org/10.1007/s10802-013-9803-3>
- Valdebenito, S., Ttofi, M. M., Eisner, M., & Gaffney, H. (2017). Weapon carrying in and out of school among pure bullies, pure victims and bully-victims: A systematic review and meta-analysis of cross-sectional and longitudinal studies. *Aggression and Violent Behavior*, *33*, 62–77. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2017.01.004>
- Van der Wal, M. F., de Wit, C. A. M., & Hirasing, R. A. (2003). Psychosocial health among young victims and offenders of direct and indirect bullying. *Pediatrics*, *111*(6), 1312–1317. <https://doi.org/10.1542/peds.111.6.1312>
- Wolke, D., & Lereya, S. T. (2015). Long-term effects of bullying. *Archives of Disease in Childhood*, *100*, 879–885. <https://doi.org/10.1136/archdischild-2014-306667>
- Wolke, D., & Lereya, S. T. (2014). Bullying and parasomnias: a longitudinal cohort study. *Pediatrics*, *134*(4), e1040–e1048. <https://doi.org/10.1542/peds.2014-1295>
- Wolke, D., & Skew, A. J. (2012). Family factors, bullying victimisation and wellbeing in adolescents. *Longitudinal and Life Course Studies: International Journal*, *3*(1), 101–19. <http://dx.doi.org/10.14301/lcls.v3i1.165>
- Wolke, D., Copeland, W. E., Angold, A., & Costello, E. J. (2013). Impact of bullying in childhood on adult health, wealth, crime, and social outcomes. *Psychological Science*, *24*(10), 1958–1970. <https://doi.org/10.1177/0956797613481608>
- Wolke, D., Woods, S., Bloomfield, L., & Karstadt, L. (2001). Bullying involvement in primary school and common health problems. *Archives of Disease in Childhood*, *85*, 197–201. <http://dx.doi.org/10.1136/adc.85.3.197>
- Yadova, M. A. (2016). Bulling v podrostkovoii srede: prichiny i posledstviya [Bulling among adolescents: causes and consequences]. *Sotsiologicheskii Ezhegodnik, 2015-2016*, 308–316.t

Alexandra A. Bochaver — Research Fellow, Associate Professor, Center for Modern Childhood Studies, Institute of Education, HSE University.

Research Area: psychology of adolescence, educational psychology, personality psychology, life course of personality, life trajectory, aggression and cyber aggression, well-being, Internet.

E-mail: abochaver@hse.ru